

Нельзя также не отметить здесь противоречие. Акцент на этической составляющей религиозной идеологии является способом конституирования единого социосимволического мира, приводит к исчезновению сакрального трансцендентного измерения культуры. Это, в свою очередь, неизбежно приводит к индивидуализации и, как следствие, релятивизации религиозного опыта. Если нет инстанции, которая выше человека, нет того, Кто прощает, то неизбежен процесс релятивизации нравственных ценностей и, как следствие, деморализации. Получается парадокс: акцентирование этической проблематике в дискурсе современной религиозной идеологии приводит к деморализации. Кроме того, этизация межрелигиозного диалога зачастую ведет к упрощению понятия религии. Проблема интеграции различных религиозных систем ведет к анализу религии как системы нравственных ценностей, что является нивелированием ее основной составляющей.

Таким образом, языковая унификация является одним из идеологическим аспектов функционирования неявной идеологии, а последняя неизбежно является фоном для межконфессионального диалога в постсекулярной культуре.

**Криштаносова Е.А., кандидат культурологии, доцент,
УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»**

МОДЕЛИ МИГРАЦИОННЫХ ПОЛИТИК В УСЛОВИЯХ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современным процессам глобализации сопутствует расширение миграционных потоков. Так, ежегодно в страны ЕС через различные нелегальные каналы въезжает около полумиллиона мигрантов, не считая еще 400 000 человек в год, которые официально ищут убежища на европейском континенте²⁵⁴. Долгое время основной проблемой, порождаемой миграционными процессами, считалась культурная неоднородность общества. Список гомогенных в этнокультурном отношении государств мира, составленный К.Янгом, включает всего 11 стран: Барбадос, Бахрейн, Ботсвана, Катар, обе Кореи, Коста-Рика, Лесото, Тунис, Уругвай и Япония²⁵⁵. Поэтому проблема поиска единых оснований жизнедеятельности и самореализации для всех населяющих страну этнокультурных групп считается одной из ключевых в деле становления и развития современного общества. На наш взгляд, эта проблема является одной из приоритетных и в Республике Беларусь, которая на данный момент насчитывает более 140 этнокультурных групп. Ключевой статус этой проблемы в современных государствах связан с настоящей неизбежностью процесса объединения групп внутри конкретной страны и соответствующей ей национальной культуры. Однако это вызывает ряд проблем.

Во-первых, любая группа представляет собой совокупность людей, которым свойственно определенное мировоззрение (картина мира), на котором во многом строится процесс не только групповой, но и личностной идентификации. Представитель группы ограничен в возможностях замены ее основных компонентов, поскольку ценностно-смысловые установки, порожденные процессами социализации и инкультурации, не могут быть вытеснены из его сознания. Группа может оставаться самоценной целостностью до тех пор, пока обладает определенной культурной идентичностью, задающей векторы дальнейшего развития. Потому попытки

²⁵⁴ Колесникова И.А. Воспитание к духовности и нравственности в эпоху глобальных перемен. — М.: Академия, 2003. — С. 44.

²⁵⁵ Кондаков А.М. Духовно-нравственное воспитание в структуре Федеральных государственных стандартов общего образования — М.: Прогресс, 2008. — С. 184.

унификации групп вызывают протест, даже если причины его не всегда полностью осознанны. Во-вторых, механическое объединение этноса и этнокультурных групп имело бы, несомненно, последствия и для титульной культуры — и, возможно, негативные. Как известно из истории, ценности народов, входящих в царства и империи прошлого (Египет, Греция, Рим и т.д.), серьезно отразились на основном ценностном каркасе доминирующей культуры (синтетические культы, противоположные культурному «мейнстриму» установки и т.д.) и способствовали ее упадку. В рассматриваемой нами современной ситуации их включение в дискурс господствующей культуры тоже не могло бы пройти безболезненно, в том числе и для национальной идеи, что всегда связано с реальной опасностью разрушения государства изнутри.

На протяжении всей человеческой истории наблюдается противостояние двух мировоззренческих парадигм: *универсализма* и *партикуляризма*. В современном мире тенденции *культурной универсализации*, порожденные процессами глобализации, приобретают особую актуальность. Это связано с тем, что глобализация не только интенсивно изменяет экономический и политический ландшафт планеты, но и воздействует на картину межкультурных связей. Этот процесс заключается:

- в формировании единого всемирного рынка, всемирной информационной открытости, в появлении новых информационных технологий, (примером, является сеть INTERNET, которая делает возможной свободную коммуникацию людей различной этнической принадлежности, верований и убеждений);

- в расширении и углублении глобальной культурной связи между людьми и народами. Это дает возможность населению самых отдаленных уголков планеты приобщиться не только к общепризнанным культурным достижениям человечества, но и ознакомиться с различными локальными культурами;

- в попытках создания общепланетарного экономического пространства и единого мирового правопорядка;

- в расширении могущества мирового рынка;

- в объединении стран для совместного решения глобальных проблем современности (преодоление экологического кризиса, связанного с разрушительным вмешательством человека в природу; предотвращение войн с применением оружия массового поражения и создание безъядерного мира и др.).

Таким образом, глобализация ставит человечество перед необходимостью единства. Иными словами, основная идея культурной универсализации в современном контексте — это создание «мирового сообщества» для совместного решения экономических, политических и культурных проблем. При этом основной упор делается на этнокультурные группы, которые, по представлению современных универсалистов, готовы безропотно «раствориться» в доминантной культуре, т.е. на группы-толеранты. Поэтому, несмотря на все позитивные тенденции и необходимость всечеловеческого сотрудничества, процесс глобализации способствует унификации локальных культур.

Здесь мы имеем дело с глубинным противоречием современной межкультурной коммуникации. С одной стороны именно глобализация побуждает к поиску и попыткам выработки универсальных человеческих ценностей, и это возможно хотя бы потому, что истина, добро, свобода и справедливость являются базовыми для универсальной картины мира любой этнокультурной группы, проявляясь в конкретных условиях в виде локальных модификаций.

Однако с другой стороны, и сами эти ценности, и питающие их культурные смыслы, и возникающие на их основе культурные тексты тяготеют к одному центру — к западной цивилизации. Этот принцип «однополярности мира» не нов: исторически сложилось так, что несколько наиболее развитых (преимущественно европейских) культур выступали в качестве центра, и на их фоне все остальные культуры находились

на правах периферии. В силу подражания «центрам» (причины которого очевидны: это статусность, престиж, высокая мера цивилизации и др.) периферия неизбежно унифицировалась. Тем самым она — отчасти вынужденно, а отчасти и добровольно — утрачивала свои культурные корни, традиции, нормы и т.д., что всегда предшествует утрате идентичности этносов и групп. Этот процесс не нов, в определенной мере он существовал всегда — с тех пор, как народы стали контактировать между собой. Но никогда ранее идентичность не была такой ценностью, как перед угрозой растворения в «теле» единой мировой культуры. Именно поэтому в современном сообществе активно проявляется феномен «всплеска этнической (групповой) идентичности» или «этнический бум». Причина этому — активное навязывание культурных образцов (стандартов) «центрами» и, как следствие, ощущение распада групповых идеалов и ценностей, лежавших в основе ранее самостоятельной культуры. В свою очередь, «всплеск этнической (групповой) идентичности» неизбежно сопровождается агрессивными реакциями (нередко перерастающими в открытые конфликты) в отношении группы, взявшей на себя функции экспортера ценностей (или, так называемой, культуры-донора). Основой конфликтных отношений становится столкновение ценностно-смысловых установок этнокультурных групп, направленных на сохранение и защиту основных составляющих групповой картины мира (ценностей, норм, традиций и т.д.), которые неудержимо трансформируются вследствие культурной диффузии, происходящей сейчас далеко не всегда добровольно и в глобальном масштабе.

Поэтому в целях создания искусственной гомогенизации внутри государства, политические и культурные элиты (приверженцы универсализма) долгие годы, как правило, делали акцент на ассимиляцию (например, Франция, США и др.). Основные идеи этой модели миграционной политики — уподобление большинству, превращение иммигранта в рядового гражданина страны, универсализация экономических, политических и религиозных предпочтений. При этом основной упор делается на этнокультурные группы, которые, по представлению современных универсалистов, готовы «раствориться» в доминантной культуре, т.е. на группы-толеранты. Поэтому, несмотря на все позитивные тенденции и необходимость всечеловеческого сотрудничества, процесс глобализации способствует унификации локальных культур. Именно поэтому ассимиляция, как стратегия по отношению к иммигрантским культурам, использовавшаяся на протяжении прошлого века многими европейскими странами, в большинстве случаев себя не оправдала. Ксенофобия, фанатизм, фундаментализм, радикализм, экстремизм, терроризм — вот лишь некоторые побочные результаты попыток проводить подобную стратегию в поликультурной среде. Во многом это связано с тем, что искусственная гомогенизация сопутствует «ломке» картин мира этнокультурных групп и «размыванию» идентичностей, что свою очередь порождает негативные ответные действия, объяснимые, в первую очередь, психологически.

Каждая группа и каждый человек обладает набором стандартов, усвоенных с картиной мира (в процессах социализации и инкультурации). При попадании в инородную среду он ощущает дискомфорт, т.к. усвоенная картина мира побуждает его следовать принятым моделям самосознания и поведения, а принимающая сторона заставляет его отречься от этих моделей. Одно из следствий такого негибкого подхода элит титульной культуры — деструктивные попытки сохранения своего культурного «Я» в массовых действиях криминогенного характера. Например, тенденция французских элит ассимилировать мусульманское население своей страны резко противоречило стремлению последних жить по своим религиозным установлениям и придерживаться отличных от установок титульной культуры убеждений. Это стало причиной массовых демонстраций, крушения зданий, поджога автомобилей и стычек с местным населением. Итак, получается, что современный универсализм, пытаясь

объединить человечество на основе общих ценностно-смысловых установках и космополитической идентификации, не только не решает проблемы сохранения самобытности этнокультурных групп, а напротив — направлен на удовлетворение интересов незначительной части населения. Как подчеркивает А.С. Панарин, «глобальные ресурсы для узкоэгоистических интересов меньшинства — вот настоящее кредо глобализма»²⁵⁶.

В ответ на это представители *партикуляризма* делают акцент на сохранении особенностей этнокультурных групп путем их изоляции и самоизоляции. Иными словами, основной акцент ставится на группах-изоляциях как на единственно возможном пути в борьбе против насильственной унификации — «самогеттоизация» этнокультурных групп, благодаря которой якобы возможно осуществление бесконфликтных межгрупповых интеракции «на расстоянии».

При этом и сторонники партикуляризма не отказываются от идей диффузионизма как возможности взаимного обмена культурными продуктами в целях символического обогащения.

В соответствии с этим была выдвинута модель миграционной политики, позволяющая контролировать этнокультурные группы: модель «сепарации/сегрегации» (например, Германия, Австрия, Великобритания). При таком подходе иммигрант находится в ситуации «гетто», т.е. изолирован от большинства населения. Ему предоставляется рабочее место, но количество его культурных контактов с представителями титульного этноса ограничено. Неудивительно, что эта модель также не оправдала себя, что выразилось, например, в создании миграционных кварталов и даже попыток отдельного их саморегулирования.

Например, кварталы выходцев из Пакистана и Бангладеш в Великобритании, представители которых считали не нужным подчиняться местным властям по причине создания собственного самоуправления. Это привело к росту неприязненных отношений со стороны титульной группы, к убийству иммигранта и бездействию полиции. Конфронтация между группами достигла своей точки кипения 26—28 мая 2012 г., когда представители азиатских кварталов после очередных вооруженных нападений со стороны негативно настроенных групп атаковали полицейские участки и некоторые офисы и пабы Олдхэма²⁵⁷.

Таким образом, как мы видим, не оправдалась и изоляционистская (партикуляристская) стратегия миграционной политики.

Можно констатировать, что партикуляризм как стратегия взаимоотношений культур (добавим: и этнокультурных групп в пространстве одной культуры) в тех целях, в каких мыслят его апологеты, несостоятелен, поскольку является излишним. Каждая культура (об этом писал еще Н.Я. Данилевский) органически приемлет заимствования лишь в том виде, в котором они соотносятся с выработанными и утвердившимися в ней ценностями и обычаями.

Можно предположить, что культура как таковая, вероятно, имеет встроенные в нее механизмы притяжения и неприятия чужеродных новшеств, а намеренно возведенные препятствия могут лишь усугубить межкультурные конфликты.

Подводя итог, можно сказать, что на наш взгляд, партикуляризм настаивает не на «равенстве в своеобразии», а на усугублении различий, на «различиях ради различий».

Краткий анализ моделей миграционных политик демонстрирует, что в свете дилеммы «универсализм — партикуляризм» культурная ситуация XX — XXI ст. одновременно центростремительна и центробежна: с одной стороны, этнокультурные

²⁵⁶ Павленко В.Н. Разновидности кризиса социальной идентичности в Украине / В.Н. Павленко // Этническая психология и общество. — М.: Наука, 2013. — С. 15.

²⁵⁷ Jovanovic M.N. European Economic Integration. Limits and Prospects / M.N. Jovanovic. — London; New York: Routledge, 2014. — Table 10.1. — P. 338.

группы пытаются прийти к согласию и к созданию единого сообщества, а с другой, стремятся локализоваться.

Ни один из этих выходов не представляется нам полностью безупречным по причинам, приведенным выше. Поэтому сегодня в этом отношении на первый план выдвигаются две основные проблемы:

— как этнокультурной группе сохранить свои ценностно-смысловые установки, а следовательно, свою идентичность на инородной территории;

— как титульному этносу не потерять способность к сохранению собственной идентичности и не стать лишь одной из разнородных групп в мультикультурном сообществе.

Именно несовпадение разноректорных ценностно-смысловых установок и нежелание найти консенсус порождает конфликтные взаимодействия этнокультурных групп с одной стороны, и титульного этноса, с другой.

При этом, как мы выяснили, субъектом конфликта может быть как этнокультурная группа, так и титульный этнос. Поэтому, возвращаясь к рассматриваемым ранее моделям миграционных политик, мы считаем их бесперспективными, т.к. при ассимиляции субъектом конфликта будет выступать этнокультурная группа, прибывшая на территорию страны, а при сегрегации — титульный этнос.

И.Н. Воронович, кандидат культурологии, доцент,

УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Духовная ситуация начала XXI в. обостряет множество вопросов личной, национальной, этнической идентичности, религиозной сопричастности. В век увеличения контактов между цивилизациями происходит распространение ценностей, традиций, некоторое центрирование на соблюдении своих религиозных обычаев в период пребывания на территории других государств. Постоянным и непрерывным становится соприкосновение и взаимопроникновение культур.

Все происходящие события современности свидетельствуют о создании контуров нового миропорядка, которые актуализируют множество вопросов предстоящих последствий, таких как разрушение самобытности культур, размывание традиционных религиозно-нравственных ценностей и т.п. Зачастую речь идет о том, что усиление процессов глобализации снижает роль религии. Однако, очень важным является уважение государством и обществом прав людей на религиозную идентичность.

Ареал так называемой западной культуры к середине прошлого столетия значительно расширился, ее ценности и мышление претерпели значительную трансформацию, во многом они теряют характер преемственности. Мышление и культурное пространство в целом начинает представлять структуру без структуры, а именно огромное количество отрывков разнообразной информации, подчас слабо между собой связанных, относящихся к различным культурно-историческим нишам, религиозным направлениям. И личность, и социально-культурная среда, в которой она находится, оказываются в своеобразном адаптационном тупике — ведь прежний опыт далеко не всегда может подсказать, каким образом действовать. Вот почему вопросы веры в Бога и религиозной принадлежности, идентификации со своим этносом являются актуальными.